

чем, как признает рецензент, и А. В. Попов думает в сущности то же, так как он называет винительным падежом и ту форму на *-*m*, которая обозначала лишь указание на дальнейшее (т. е., в нашей терминологии, протоаккузатив). Однако, по мнению Фортунатова, в таком значении данная форма (как и форма на *-*s* в значении указания на ближайшее) не есть форма падежная. Указание на дальнейшее, или второстепенное, являясь, в соответствии с концепцией Попова, исходным значением аккузатива как общего косвенного падежа, сохраняется в исторические эпохи индоевропейских языков в употреблении винительного независимого, обозначающего «объект в широком смысле». Но, как считает Фортунатов, термин «общий косвенный падеж» обязательно предполагает зависимость данной формы от словосочетания, и, следовательно, параллельное использование терминов «общий косвенный падеж» и «винительный независимый» неправомерно [5, с. 118]. В этом ясно ощущается разный подход Попова и Фортунатова к определению таких понятий, как «падеж» и «зависимость», что и побуждает рецензента заявить о непонимании автором значения падежей и грамматической зависимости, т. е. того, что составляет основание синтаксических явлений языка» [5, с. 120].

Необходимо заметить, что в современной лингвистике падеж рассматривается как категория, обозначающая отношение имени к другому слову в составе словосочетания или *предложения* [26]; кроме того, можно говорить и о своего рода «нулевой» зависимости от другого слова. Приведенные Поповым примеры аккузатива как «падежа объекта в широком смысле» (винительный времени и места, винительный комитативный, винительный отношения) наглядно демонстрируют его независимость от какого-либо отдельного слова; в предложении подобные формы выступают в качестве детерминантов, т. е. распространителей, формально не связанных ни с какой словоформой; но, как указывается, например, в «Грамматике современного русского литературного языка», детерминанты могут выражаться формами косвенных *падежей* с предлогом или *без предлога* [27]. Таким образом, и в данном случае взгляды Попова оказываются более близкими современным концепциям, признающим самостоятельность слова основным принципом строения индоевропейского предложения [23, с. 362—363], нежели лингвистическим догмам XIX в.

После чрезвычайно подробного разбора отдельных, прежде всего терминологических, аспектов исследования, представляющихся Ф. Ф. Фортунатову ошибочными, он посвящает один абзац «несомненным достоинствам» книги Попова, «по которым» она является «полезным приобретением в лингвистической литературе» [5, с. 120]. Достоинства эти состоят в тщательном собрании примеров, а также в замечательной наблюдательности автора; впрочем, как раз здесь рецензент не счел нужным привести хотя бы один положительный пример и сейчас же перешел к перечислению ошибок в цитатах из древнеиндийских источников; цитаты же из Авесты он посчитал во многом сомнительными вследствие неизученности данного памятника.

Этими замечаниями, собственно, и исчерпывается «общий разбор» Ф. Ф. Фортунатова. Приходится констатировать, что критика его имела своим объектом в первую очередь взгляды немецких компаративистов — Г. Курциуса и Т. Бенфея; именно поэтому столь непропорционально значительное место в рецензии занимает анализ I главы «Синтаксических исследований», в которой излагаются — но отнюдь не всегда безоговорочно принимаются — концепции указанных ученых. Главное в монографии А. В. Попова — оригинальное и глубокое исследование истории индоевропейского аккузатива, на много лет опередившее развитие компаративистики, — к сожалению, не получило в отзыве Фортунатова сколько-нибудь адекватного отражения. Объясняется это прежде всего тем, что в области учения о предложении Фортунатов, как отмечал М. Н. Петерсон, был «мало оригинален» [28], а все то новое, что внес Попов в индоев-